

Позже, в один из годов, он случайно проходил через Нинъян и, воспользовавшись тем, что никто не заметил, вошёл во двор семьи Цзян. Оставив на каменном столе медную грелку для рук и маленький мешочек с золотыми бусинами, он неспешно удалился.

На этот раз, снова оказавшись в уезде Нинъян, он вспомнил о лекарском зале семьи Цзян и решил заглянуть туда по пути. Каково же было его удивление, когда он увидел такую разруху. Прежние красные лакированные ворота и аптекарский сад во дворе стали неузнаваемы, остался лишь Цзян Шинин — одинокий скитающийся дух.

Он снова помог, чем мог.

Ведь мир состоит не только из таких грязных и подлых людей, как советник Лю. Кто-то забывает добро, а кто-то помнит о благодарности.

Сюэ Сянь скользнул взглядом по метели за стенами храма и откинулся на спину, прислонившись к статуе Будды.

Цзян Шинин вдруг спросил: «Перед уходом ты велел мне ждать у двери. Что ты там возился у стола того монаха?»

Сюэ Сянь лениво откликнулся: «Кое-что оставил. В знак благодарности за то, что он помог мне вернуть золотые бусины».

Он оставил Сюань Миню не что иное, как чешую своего истинного драконьего тела. Всё-таки часть тела истинного дракона — пусть и не воскрешает мёртвых, но куда ценнее горного женьшеня или линчжи. У того лысого монаха нелады со здоровьем, и хоть причина неизвестна, драконья чешуя в качестве лекарства должна хоть немного помочь.

Обычный человек, конечно, драконью чешую не узнает. На вид это просто тонкий круглый ободок, размером с вязовую семечку, отливающий синевато-чёрным. От него лишь faintly исходил особый запах — влажный, будто после дождя по камням, и ещё... неуловимо-сладковатый, словно от только что очищенных прозрачных креветок.

Сюэ Сянь молча открыл глаза и без выражения пробормотал: «Я что-то проголодался».

В верхней комнате второго этажа «Гуйюньцзюй» Сюань Минь по-прежнему сидел с закрытыми глазами за столом, сохраняя ту же позу, что и до ухода Сюэ Сяня, и не двигался уже долгое время.

На столе перед ним был развёрнут лист жёлтой бумаги, а на бумаге лежала оставленная Сюэ Сянем драконья чешуя. Тот особый запах медленно распространялся в воздухе, достигая его ноздрей.

Сюань Минь нахмурился, внезапно открыл глаза, и родинка на его шее, похожая на паука, бесшумно вернулась к своему обычному виду.

Он опустил взгляд на стол и увидел, что на жёлтой бумаге кто-то нацарапал несколько корявых крупных иероглифов: «Лекарство от всех болезней. Верь — не верь».

Сюань Минь поднял лежащий рядом с каракулями чёрный круглый ободок, разглядел его и вдруг, словно что-то вспомнив, достал из-за пазухи сложенный тонкий лист бумаги.

Развернув и разгладив его, он увидел в самом начале два слова: «Найти человека».

Рядом с этими словами как раз была нарисована чёрная круглая пластинка — точно такая же, как и на столе.

Найти человека...

Сюань Минь нахмурился, внимательно сравнил их, снова сложил тонкую бумагу и убрал. Зажав оставленный кем-то тонкий ободок, он сидел при свече, неподвижный.

За окном ледяной ветер гнал снег, шурша и постукивая по воротам.

И горные тропы, и узкие городские улочки — всё погрузилось в глубокую тьму, бескрайнюю и далёкую.

Том II. Безымянный

Снег шёл то переставая, то вновь принимаясь, и так продолжалось целые сутки. Для Сюэ Сяня и Цзян Шинина в этом были и плюсы, и минусы.

Плюс был в том, что Цзян Шинин, как основной «ходок», был диким духом, боящимся солнечного начала. В снежный день небо затянуто чёрными тучами, солнечной энергии мало, а мрачной — в избытке, что было ему только на руку: не приходилось «выключаться» едва забрезжит рассвет.

Минус же был...

«Подними руку, прикрой мне лицо! Быстрее! Ветер сейчас голову снесёт!» — с полной самоуверенностью крикнул Сюэ Сянь Цзян Шинину.

При такой свирепой буре он, конечно, не мог сидеть у Цзян Шинина на плече. Пришлось Цзян Шинину засунуть его за пазуху, оставив снаружи лишь голову, чтобы этот беспокойный товарищ мог указывать путь. Но буря не подчинялась обычным правилам, дует беспорядочно и яростно во все стороны, что невероятно раздражало.

Цзян Шинин с позеленевшим лицом поднял руку, прикрывая бумажную голову Сюэ Сяня, и с трудом пробирался сквозь шквальный ветер. «Мог бы и свою драгоценную голову целиком спрятать в одежду».

Сюэ Сянь категорически отказался: «Нет. Боюсь, отвлекусь на мгновение — и ты свернёшь не туда».

Цзян Шинин: «...» И этот неспособный найти дорогу ещё и наглость имеет!

Сюэ Сянь усмехнулся: «Войдёшь в город — сам заплачешь и станешь спрашивать, куда идти».

Цзян Шинин: «...»

Они направлялись в уезд Волун, расположенный в двух городах от Нинъяна. Это был один из прибрежных уездов, имевший старую переправу.

Та переправа была невелика, ежедневных пассажирских лодок — не много, да и не единственным был тот путь, что вёл в управу Аньцин. Причина, по которой нужно было переправляться именно там, заключалась лишь в том, что Сюэ Сяню нужно было там найти одного человека.

«К востоку от переправы, в одном из кварталов, живёт семья — кажется, два брата, но не очень близкие. Я бывал там дважды, и оба раза они шумели и ссорились. Старший кое-что умеет. Мне нужно, чтобы он взглянул на эту золотую бусину. Возможно, он сможет выяснить, кто продал её советнику Лю», — так объяснил Сюэ Сянь Цзян Шинину.

Раз он бывал там дважды, значит, тот человек действительно что-то собой представлял. Цзян Шинин не возражал и покорно направился в уезд Волун.

Чтобы избежать хлопот с въездом и выездом из городов, они обошли стороной два промежуточных уезда, пробираясь всё время горными тропами. Один из них был драконом, другой — призраком, оба привыкли ходить по ночам, так что, казалось бы, бояться им было нечего.

Однако ходили слухи, что в этих горах орудовали банды разбойников. Серьёзной силы они не представляли, но для проезжающих путников и повозок всё равно были проблемой. Поскольку Сюэ Сянь держал при себе золотую бусину, Цзян Шинин всю дорогу был настороже, опасаясь столкнуться с одной-двумя такими бандами, которые тут же разорвут их на части.

Когда же он увидел на столбах и стенах заброшенных храмов, где они останавливались отдохнуть, следы рубящих ударов, а у дверей и в углах — засохшие тёмно-красные пятна крови, его тревога достигла предела.

Но, будь то из-за выбранного маршрута или по иной причине, на всём пути они не встретили ни одного живого разбойника. Изредка попадались проезжающие повозки, и они, превратившись в бумажные оболочки, могли подсесть.

В общем, было на удивление тихо и спокойно.

Даже на четвёртый день, когда они без единой царапины добрались до городских ворот, Цзян Шинин всё ещё не мог поверить: «Нам что, просто повезло?»

«Люди обычно говорят: "Не бойся, что украдут, бойся, что замыслят". А ты, гляди-ка, всё о ворах замысляешь — таких, как ты, единицы», — сказал Сюэ Сянь, взглянув на ворота.

«Уезд Волун... — Цзян Шинин прочёл три крупных иероглифа. — Говорят, все места с иероглифом "дракон" в названии связаны с появлением истинного дракона. Уезд Волун... звучит так, будто истинный дракон здесь спал».

Сюэ Сянь с отвращением ответил: «Этот уездишко размером с ладонь и для ступни не годится! Это ты здесь спал!»

Цзян Шинин с недоумением посмотрел на него: «Я же не о тебе говорил?»

Они прибыли как раз к пятой страже. Из города донёсся звон колокола, возвещающий рассвет, волна за волной, от центра к окраинам. Когда отзвучало эхо пятого удара, городские ворота медленно открылись.

Пока стража открывала ворота, Цзян Шинин отступил в угол, намереваясь, пока ещё не рассвело, превратиться в бумажную оболочку и проскользнуть у самого края, чтобы избежать проверки и связанных с ней неясных проблем. Но едва он сделал шаг назад, как почувствовал, что пяткой на что-то наступил.

«Что такое?» — спросил Сюэ Сянь.

Цзян Шинин присел, разгрёб снег на месте следа и нащупал слегка деформированный железный значок.

При свете фонаря на стене Сюэ Сянь прищурился и разглядел, что значок был размером с большой палец. На одной стороне был грубо выгравирован волчья голова, на другой — имя, но имя кто-то исчеркал ножом, так что разобрать его было почти невозможно.

«И ещё один», — пробормотал Цзян Шинин, доставая из-за пазухи похожий значок.

Тот он подобрал раньше под статуей Будды в заброшенном храме, где они отдыхали. На нём было тёмное пятно крови, а сторона с именем также была исчеркана до неузнаваемости.

«Пока сохрани», — сказал Сюэ Сянь.

Цзян Шинин убрал оба значка и, не мешкая, пока стража не заметила, юркнул в город через щель в воротах.

Едва ступив за ворота, он остолбенел.

Вид уезда Волун разительно отличался от Нинъяна. С первого взгляда почти не было видно ни одной прямой улицы — все они причудливо изгибались и пересекались, напоминая беспорядочный лабиринт.

Цзян Шинин помолчал какое-то время и наконец сдался: «А дальше... как идти?»

Сюэ Сянь, самодовольно обнимая золотую бусину, покачал головой: «На первом перекрёстке сверни на восток, там, где отходит переулок с лавкой лепёшек семьи Чжан».

«Видишь лоток с кунжутными сладостями? На том углу поверни на запад».

<http://bllate.org/book/16289/1467868>